

1812-й годъ.

(общій очеркъ).

Какой примѣръ храбрости, мужества, благочестія, терпѣнія, твердости показала Россія!.. Войско, вельможи, дворянство, духовенство, купечество, народъ,—словомъ всё государственные чины и состоянія, не щадя ни имущества своихъ, ни жизни, составили единую душу, вмѣстѣ мужественную и благочестивую, только же пылающую любовью къ отечеству, коликo любовь къ Богу. (Изъ манифеста 25 Декабря 1812 г.).

Двѣнадцатый годъ—главный эпизодъ „начало конца“ той великой Европейской борьбы съ революціонною и Наполеоновскою Франціей, которая извѣстна подь именемъ „эпохи коалицій“, продолжавшейся около 25 лѣтъ (1792—1814). Въ этой борьбѣ, осложнившейся давнимъ соперничествомъ Франціи и Англій, видное участіе принимала Россія, хотя и не безъ колебаній. Уже Екатерина Великая вела переговоры о совмѣстномъ дѣйствіи противъ Франціи, но только сынъ ея съ цѣлью „возстановить въ Европѣ прочный миръ и политическое равновѣсіе“, сначала вступилъ въ коалицію противъ „неистовой“ Французской республики (Италійскій походъ Суворова 1799 г.), а затѣмъ въ союзъ съ Франціей готовился къ войнѣ съ Англійей. Борьба съ Наполеоновскою Франціей всецѣло выпала на долю внука великой императрицы, императора Александра I-го.

Послѣ пятилѣтія выжидательной политики Александръ начинаетъ упорную борьбу съ „императоромъ Французовъ“ сначала въ союзъ съ Австріей (Аустерлицъ 20 Ноября 1805 г.), затѣмъ въ союзъ съ Пруссіей (Пултускъ 14 Дек. 1806 г., Эйлау 27 Янв. и Фридландъ 2 Іюня 1807 г.). Этотъ первый разрывъ съ Наполеономъ (по выраженію С. М. Соловьева) былъ какъ бы „увертюрой будущей оперы“, т. е. войны 1812 г. Оставшись въ одиночествѣ „на развалинахъ Пруссіи“, Алек-

сандръ принужденъ былъ заключить Тильзитскій миръ и союзъ (27 Юня 1807 г.), въ слѣдующемъ году скрѣпленный свиданіемъ въ Эрфуртѣ (здѣсь, на Веймарской дорогѣ, 2 Окт. 1808 г. императоры разстались навсегда). Тильзитскій миръ былъ ничѣмъ инымъ, какъ новымъ пятилѣтнимъ перемиріемъ. Не говоря о томъ, что (по выраженію Вигеля) въ Россіи „все роптало“ на союзъ съ Наполеономъ, принятая по этому договору такъ назыв. „континентальная система“ (декретъ о ней 2 Ноября 1806 г. въ Берлинѣ), наносившая такой ущербъ Россіи, была настоящею причиною войны 1812 г. Уже Австрійская война 1809 г., такъ называемая безкровная война“ (одна изъ пяти войнъ, веденныхъ тогда Россіей), вытекавшая изъ Тильзитскаго союза, заключала въ себѣ „зародышъ войны 1812 г.“. Въ ряду нѣсколькихъ поводовъ второго разрыва, какъ, напр., захватъ Ольденбургскаго герцогства, нарушавшій историческія и династическія выгоды Россіи, Польша (23 Дек. 1809 г. Наполеонъ отказался ратифицировать конвенцію о Польшѣ) была „основнымъ поводомъ“ войны 1812 г. Разрыву предшествовала дипломатическая и таможенная борьба (Трианонскій тарифъ 5 Авг. и положеніе о торговлѣ 19 Дек. 1810 г.). Въ послѣдніе два года открыто шли приготовленія къ войнѣ. Наполеонъ полагалъ основаніе „великой арміи“, укрѣплялъ города на Вислѣ (Модлинъ), заключалъ союзы (съ Пруссіей 24 Февр. и съ Австріей 2 Марта 1812 г., при чемъ обѣ эти державы вели „двойную игру“), Александръ тоже усиливалъ армію на Западной границѣ, но пока оставался въ одиночествѣ. Манифестъ 23 Марта 1812 г. о рекрутскомъ наборѣ былъ первымъ правительственнымъ дѣломъ, которое указывало на близость войны. 14 Апрѣля Александръ отправился къ арміи въ Вильну, а 27 Апр. Наполеонъ прибылъ въ Дрезденъ. Русскій и Французскій послы, князь Куракинъ и герцогъ Лористонъ, получили свои отзывныя грамоты. Война стала неизбежной.

I.

1. Въ ночь 11—12 Юня у Ковны началась переправа „великой арміи“ черезъ Нѣманъ, тогдашнюю границу Россіи, при чемъ 300 Поляковъ шли впереди. Извѣстіе объ этомъ Александръ получилъ на балу въ Закретѣ, предмѣстьи Вильны. Оставляя Вильну, Государь отправилъ рескриптъ на имя князя Салтыкова, и въ немъ, между прочимъ, было сказано: „мы не положимъ оружія, доколѣ хотя единый изъ враговъ будетъ оставаться въ предѣлахъ земли нашей“. 16-го Наполеонъ былъ уже въ Вильнѣ, гдѣ оставался 18 дней. Въ Вильнѣ онъ издалъ свою знаменитую прокламацію: „Вторая Польская война началась.... Россія

увлекается рокомъ“ и т. д. Александръ отвѣчалъ приказомъ по арміи: „На начинающаго Богъ“... и все еще послалъ ген.-адъют. Балашова съ мирнымъ письмомъ къ Н. „Даже боги не могутъ сдѣлать, чтобы не было того, что случилось“, отвѣчалъ классическою фразою Н. и спрашивалъ Балашова о кратчайшей дорогѣ въ Москву.

Обезпечивъ фланги. Наполеонъ главныя свои силы, доходившія по наименьшему счету до 375 т., направилъ противъ Русской Западной арміи, насчитывавшей до 175 т. (ген. Харкевичъ). Согласно господствовавшей тогда теоріи Фуля, Западная армія была раздѣлена на 2 неравныя части: 1-я армія М. Б. Барклая-де-Толли съ главною квартирою въ Вильнѣ и 2-я армія князя П. И. Багратіона съ главною квартирою въ Волковискѣ. Послѣ перехода непріятеля 1-я армія стала отступать къ Дриссѣ (притокъ З. Двины), гдѣ рѣшено было устроить „укрѣпленный лагерь“ (на подобіе Торресъ-Ведрасъ у Лиссабона) и даже перейти въ наступленіе (приказъ 27 Іюня, въ день Полтавы). Вслѣдствіе такого передвиженія разстояніе между нашими арміями увеличилось отъ 100 до 250 верстъ, и Н., казалось, имѣлъ основаніе сказать, что „теперь Багратіонъ и Барклай больше не увидятся“. Оставивъ противъ 48 т. Багратіона 80 т. Иеронима, да въ центрѣ 75 т. вице-короля Евгенія Богарне, Н. главную свою армію, доходившую до 220 т., направилъ туда, гдѣ З. Двина и Днѣпръ (между Витебскомъ и Оршей) образуютъ какъ бы родъ „естественныхъ воротъ“ во внутреннюю Россію, и искалъ случая нанести рѣшительный ударъ арміи Барклая, насчитывавшей до 127 т. Къ счастью, военный совѣтъ въ Дрисскомъ лагерѣ (между прочимъ, здѣсь состоялись важныя назначенія: генералъ-квартирмейстеромъ назначенъ К. Ѳ. Толь, а начальникомъ штаба А. П. Ермоловъ, оказавшіе неоцѣнимыя услуги въ эту кампанію) призналъ Дриссу второю „Пирною“, система Фуля была безповоротно осуждена, и Барклай отвелъ свои войска къ Полоцку (2 Іюля). Въ то же время, для защиты Петербурга противъ корпусовъ Макдональда и Юрка (Пруссаки), стоявшихъ на З. Двинѣ и осаждавшихъ Ригу (Русскій ген. Эссенъ), отъ 1-й арміи былъ выдѣленъ „отдѣльный корпусъ“ П. Х. Витгенштейна (до 30 т.). Сіе послѣднее обстоятельство заставило и Наполеона усилить свой лѣвый флангъ присоединеніемъ къ нему корпусовъ Удинѣ и Виктора. На правомъ флангѣ великой арміи находились корпуса князя Шварценберга (Австрійцы) и Ренье (Саксонцы), противъ которыхъ стояла наша 3-я или „обсервационная“ армія А. П. Тормасова съ главною квартирою въ Слуцкѣ (на Стыри), насчитывавшая до 43 т. (съ нею должна была соединиться Дунайская армія Чичагова. приказъ 18 Іюля).

Между тѣмъ, 7 Іюля, Государь рѣшилъ временно покинуть армію и обратиться съ призывомъ къ своему народу. Поручивъ А. С. Шишкову, остававшемуся въ Дриссѣ, составить „Воззваніе“ къ Москвѣ и Манифестъ о всеобщемъ ополченіи („Да встрѣтитъ непріятель въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ Палицына, въ каждомъ гражданинѣ Минина... Соединитесь всѣ: со крестомъ въ сердцѣ и оружіемъ въ рукахъ, и никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ“), Государь черезъ Смоленскъ направился въ Москву. Прибытіе Государя вызвало настоящій взрывъ патріотическаго чувства. Смоленское дворянство (7 Іюля) рѣшило выставить 20 т. ополченія. Въ Москвѣ, куда Государь прибылъ ночью (11—12 Іюля), многотысячная толпа народа встрѣчала его кликами: „Веди насъ, куда хочешь: веди насъ, отецъ нашъ; умремъ или побѣдимъ“ и т. п. Въ Успенскомъ соборѣ, по распоряженію встрѣчавшаго Государя архіеп. Августина, пѣвчіе вмѣсто „Спаси, Господи“ пропѣли: „Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его“; престарѣлый митрополитъ Платонъ въ благословеніе Государю прислалъ образъ препод. Сергія Радонежскаго. 15 Іюля въ Слободскомъ дворцѣ столь же горячо откликнулись на призывъ Государя Московское дворянство и купечество: рѣшено выставить по одному ратнику съ 10 душъ и въ короткое время собрано пожертвованій до 2¹/₂ м. рублей. „Этого дня я никогда не забуду“, сказалъ растроганный Государь и въ знакъ особаго расположенія поцѣловалъ графа Ѳ. В. Ростопчина (Московскій ген.-губер. съ 23 Мая). 18 Іюля, въ день своего отъѣзда, Государь издалъ манифестъ объ организаціи ополченія (указъ Сенату 31 Іюля): 16 „ополченыхъ“ губерній раздѣлены на три округа Московскій, Петербургскій и Казанскій. Ополченія выставялись и другими губерніями и даже отдѣльными лицами: таковъ напр., „Украинскій полкъ“ Кіевской и Подольской губ., батальонъ вел. кн. Екатерины Павловны, два конныхъ полка графа Дмитріева-Мамонова и графа Салтыкова, отрядъ Херсонскаго помѣщика Скаржинскаго и др. Въ тоже время стекались жертвованія припасами и деньгами со всей Россіи, даже изъ далекой Сибири: такъ, наприм., рабочій г. Барнаула Бѣлкинъ пожертвовалъ 5 р., завѣщанныхъ ему отцомъ, „на черный день“. Война становится священною и народною.

Между тѣмъ Барклай, съ отъѣздомъ Государя изъ арміи получившій большую самостоятельность, окончательно склоняется къ „системѣ отступленія“ (или „системѣ ретроградныхъ линій“, какъ ее называли), которую онъ находилъ (еще съ 1807 г.) наиболѣе цѣлесообразною въ борьбѣ съ Н. и наиболѣе соответствовавшею обстоятель-

ствамъ. Система эта, мѣшавшая возможности нанести Русской арміи быстрый и рѣшительный ударъ, очень раздражала Наполеона, и онъ презрительно называлъ ее „Пароянскимъ способомъ войны“, на который способенъ только Нѣмецъ, какимъ и былъ по своему происхожденію Барклай. По занятіи Французами Полоцка, Барклай отступаетъ къ Витебску и въ тотъ же день, 7 Іюля, посылаетъ приказъ Багратіону соединиться съ 1-ю арміей. (8 Іюля въ Великихъ-Лукахъ подписанъ трактатъ съ Испаніей). Съ цѣлью задержать натискъ Наполеона, происходитъ рядъ арьергардныхъ боевъ подъ Витебскомъ (13, 14, 15 Іюля; между прочимъ, гр. Коновницынъ писалъ женѣ, что 13-го подъ Островно „видѣлъ Бонапарта на бѣлой маленькой лошаdkѣ безъ хвоста“). Такъ какъ Багратіонъ былъ задержанъ подъ Могилевомъ и не могъ поспѣть къ Витебску, то Барклай продолжаетъ отступление къ Смоленску, куда и стягиваетъ войска къ 20 Іюля. Между прочимъ, Смоленскіе крестьяне спрашивали: „не будемъ-ли въ отвѣтъ, если уьемъ Француза?“

Бодрящее впечатлѣніе производили дѣйствія 3-й арміи Торماسова при Кобринѣ (15 Іюля, гр. Ламбертъ), Городечнѣ (31 Іюля, оба подъ Брестомъ), а также дѣйствія отдѣльнаго корпуса кн. Витгенштейна: при Клястицахъ (18—19 Іюля), Боярщикѣ (20 Іюля), гдѣ былъ убитъ Я. П. Кульневъ—воинъ „духа высокаго“, и при Свольнѣ (31 Іюля, подъ Дриссою 2-я армія Багратіона, „растянутая какъ кишка“, не только избѣжала опасности быть раздавленною превосходными силами непріателя (48 т. противъ 155), но, пользуясь тѣмъ, что непріатель наступалъ двумя колоннами (Вандаммъ и Груши на Минскъ—Оршу, смѣнившій Иеронима Даву и Понятовскій на Игумень—Могилевъ), имѣла еще частичный успѣхъ: при Мирѣ (подлѣ Новогрудка, 27 Іюня) взята въ плѣнъ бригада Турнд, при Романовѣ (подлѣ Слуцка, 2 Іюля), по донесенію атамана Платова, „два лучшихъ непріательскихъ полка истреблены въ прахъ“. 6 Іюля Багратіонъ былъ уже въ Бобруйскѣ. Получивъ приказъ соединиться съ 1-й арміей, послѣ упорныхъ боевъ 11 Іюля у Салтановки и Фатовой (подъ Могилевомъ, занятымъ Даву еще 8 Іюля), главнымъ героемъ которыхъ былъ Н. Н. Раевскій съ двумя сыновьями-юношами, Багратіонъ переправился черезъ Днѣпръ у Старого—Быхова (И. С. Дороховъ со своими „Изюмцами“ перешелъ рѣку вплавь). Идя „распашнымъ шагомъ“ (въ послѣдніе 20 дней онъ прошелъ 600 верстъ, потерявъ въ пути до 10 т.), Багратіонъ 22 Іюля подошелъ къ Смоленску, гдѣ и произошло соединеніе 2-й и 1-й арміи. Несмотря на свое старшинство по службѣ, Багратіонъ, къ удовольствію

Государя подчинился Барклаю, хотя обѣ арміи продолжали дѣйствовать отдѣльно.

По присоединеніи Багратіона, славнаго сподвижника Суворова, военный совѣтъ 25 Іюля рѣшительно высказался за наступленіе, не смотря на то, что соединенныя силы Русскихъ все-же значительно уступали силамъ Наполеона (120 т. противъ 180 т.). Въ силу такого рѣшенія Русская армія начинаетъ наступленіе на Витебскъ. Оставивъ Багратіона ближе къ Смоленску (приказъ—Выдра), Барклай со своею арміею направляется на Рудню (на половинѣ пути отъ Смоленска въ Витебскъ), но, замѣтивъ обходное движеніе непріятеля (къ Порѣчью), осторожный Барклай приказываетъ Багратіону отходить обратно къ Смоленску, и самъ отступаетъ на удобную позицію (Волково). Дѣйствительно, Наполеонъ черезъ ту же Рудню, Инково (здѣсь Платовъ нанесъ пораженіе генералу Себастіани) подходитъ къ Днѣпру, переправляется на лѣвый берегъ (въ Расаснѣ) и подступаетъ къ Смоленску.

2—6 Августа подъ Смоленскомъ, этимъ „дорогимъ ожерельемъ Россіи“, происходитъ рядъ боевъ, въ которыхъ Русская армія и ея вожди покрыли себя неувадаемою славою. 2—4 Авг. Д. П. Невѣровскій подъ натискомъ кавалеріи Мюрата „какъ левъ“ отступаетъ черезъ Ляды къ Красному. 4—5 Авг. Раевскій съ 13—15 т. болѣе сутокъ держится въ Смоленскѣ противъ цѣлой арміи Наполеона: къ нему на подмогу спѣшить Багратіонъ. „Другъ мой, писалъ онъ Раевскому, я не иду, а бѣгу. чтобы скорѣе соединиться съ тобою“... Раевского смѣняетъ больной Д. С. Дохтуровъ, предпочитая „умереть на полѣ, а не на постели“, и съ 20 т. продолжаетъ удерживать непріятеля. Въ этой оборонѣ Смоленска участвовали также Коновницынъ, пр. Евгений Виртембергскій и д. 5 Авг., во время всеобщей, шла канонада Смоленска изъ ста орудій, городъ представлялъ собою „изверженіе Везувія“; изъ 2250 домовъ его уцѣлѣло только 350. Наконецъ, по приказанію Барклая, Дохтуровъ отступаетъ, при чемъ изъ пылающаго города вынесена чудотворная икона Смоленской Божіей Матери (6 Авг.). На слѣдующій день произошелъ новый бой подъ Смоленскомъ у Лубина (Валутино), гдѣ взять въ плѣнъ раненый П. А. Тучковъ 3-й. 8 Авг. Тучковъ 1-й и Дохтуровъ соединились у Соловьевой переправы и перешли Днѣпръ. Русскія потери подъ Смоленскомъ доходили до 20 т. Въ эти же дни происходили бои подъ Полоцкомъ (5 Авг.), въ которыхъ выдающееся участіе принимали Петербургская и Новгородская „дружны“ (между прочимъ здѣсь участвовалъ писатель М. Н. Загоскинъ), послѣ чего

главныя силы Витгенштейна отошли къ Бѣлomu (подлѣ Боярщины), гдѣ и оставались около двухъ мѣсяцевъ (до 4 Окт.).

Со взятіемъ Смоленска въ рукахъ Наполеона оказался почти весь Западъ Россіи, Литвы и Бѣлоруссія, гдѣ и было введено Французское управленіе (архіеп. Могилевскій Варлаамъ въ церкви поминалъ Наполеона); это былъ очевидный успѣхъ, но успѣхъ болѣе политическій чѣмъ нравственный. Иначе дѣло обстояло въ стратегическомъ отношеніи: движеніе великой арміи отъ Нѣмана до Днѣпра въ продолженіе 7 недѣль стоило ей огромныхъ потерь (до $\frac{1}{3}$ арміи, какъ считаютъ); хотя эта армія своею численностью значительно превосходила Русскую армію, но послѣдняя не только не была разбита, по послѣ упорнаго сопротивленія отступила и загородила Москву. Въ Смоленскѣ Наполеону предстояло рѣшить важную дилемму: пріостановить-ли кампанію и остановиться въ Смоленскѣ, или идти на Москву? Наполеонъ, хотя и чувствовалъ, что его увлекаетъ внутрь Россіи, вопреки мнѣнію своихъ маршаловъ избралъ второе рѣшеніе и послѣдовалъ за отступающими Русскими войсками въ Москву.

Система отступленія, которой неизмѣнно слѣдовалъ Барклай, была непріятна не одному Наполеону; она была непривычна, непонятна не соотвѣтствовала настроенію ни Русской арміи, ни Русскаго общества и съ самаго начала вызывала къ себѣ отрицательное и даже враждебное отношеніе. Александръ былъ вынужденъ сдѣлать уступку общему голосу недовольства и пожертвовать Барклаемъ, которому вполне довѣрялъ. Въ дни Смоленскихъ боевъ. 5 Авг. чрезвычайный комитетъ въ Петербургѣ избралъ новаго главнокомандующаго, на котораго указывалъ общій голосъ: то былъ недавно закончившій Турецкую войну (Бухарестскій миръ 16 Мая) 67-лѣтній „свѣтлѣйшій“ князь (съ 29 Іюля) М. И. Голенищевъ-Кутузовъ. Представившись Государю въ Каменноостровскомъ дворцѣ и помолвившись въ Казанскомъ соборѣ, 11 Авг. новый главнокомандующій „съ христіанскимъ смиреніемъ, но безъ робости“, отправился на „великое дѣло“, сопровождаемый кликами народа: „спаси насъ, побей супостата!“ Кутузовъ откровенно говорилъ, что разбить Наполеона онъ не надѣется, но надѣется его „обмануть“. Недаромъ Н. называлъ Кутузова „le regard du Nord“*) и къ этому предусмотрительно добавлялъ, что „ключъ къ Москвѣ взять“. т. е. Смоленскъ.

*) Лиспею Сѣвера.

10 Авг. заключенъ въ Або Русско-Шведскій договоръ, въ силу котораго 10 тыс. отрядъ Штейнгеля изъ Финляндіи присоединился къ Витгенштейну; при этомъ Александръ высказалъ Бернадоту мысль о возможности отступленія „даже не до береговъ Волги“ Въ то же время у него крѣпнеть рѣшимость не заключать мира съ врагомъ: „скорѣе отрощу себѣ бороду и буду питаться картофелемъ въ пустыняхъ Сибири, нежели заключу постыдный миръ“, сказалъ онъ Вильсону, Англійскому агенту.—17 Авг. новый главнокомандующій прибылъ къ отступавшей арміи на позицію у Царева-Займища, а на третій день издалъ приказъ объ отступленіи. Въ числѣ основаній такого распоряженія могло быть и то, что 20 Авг. гр. М. А. Милорадовичъ, съ этого времени оставшійся при арміи, привелъ сформированныя имъ ополченія Тульское, Орловское, Черниговское. Впрочемъ, отступление теперь продолжалось недолго: 22 Авг. Русская армія остановилась у с. Бородина на р. Колочѣ. 24 Авг. Французы заняли Колоцкій монастырь и Шевардинскій редутъ, который защищалъ кн. Горчаковъ 2-й, а 26 Авг., какъ уступка общественному мнѣнію, произошла „эпическая битва“, „великая битва подъ Москвою“—Бородинскій бой.

Подъ Бородинымъ (собственно три села: Семеновское, Бородино и Горки) у Наполеона было 126—130 т. и 556 орудій, у Русскихъ 115—125 т. и 660 орудій (ген. А. Скугаревскій). Здѣсь были всѣ представители арміи „двадцати языкъ“: въ порядкѣ численности, послѣ Французовъ слѣдуютъ Поляки (Брониковскаго, Хлопицкаго, Понятовскаго), Нѣмцы (Пруссаки, Саксонцы, Вестфальцы, Баварцы, Виртембергцы и др.), Италіанцы, Португальцы и Испанцы; былъ также Ирландскій полкъ Южныхъ Славянъ и даже Голландцы и Швейцарцы. Съ Русской стороны въ битвѣ участвовало и Московское ополченіе (въ немъ находились князь П. А. Вяземскій, В. А. Жуковскій, Ф. Н. Глинка, а въ конницѣ была дѣвица-кавалеристъ Дурова-Александрова). Здѣсь пало 52 т. Русскихъ (около 1/2 арміи) и до 35 т. Французовъ. Русскіе вѣрили въ свою побѣду. Кутузовъ доносилъ, что „послѣ кровопролитнѣйшаго и 15 часовъ продолжавшагося сраженія... непріятель нигдѣ не выигралъ ни шага земли съ превосходнѣйшими своими силами“ (занятая непріателемъ такъ наз. Курганная батарея ночью была очищена имъ). Подъ Бородинымъ, по выраженію Ермолова „Французская армія расшиблась о Русскую“. Послѣдовали щедрія награды: Кутузовъ произведенъ въ фельдмаршалы и получилъ 100 т. р.; оставшійся въ арміи и послѣ назначенія Кутузова Барклай, подъ которымъ въ Бородинскомъ бою было убито пять лошадей, получилъ Георгія 2 ст., раненый Багратіонъ получилъ милостивое письмо Государя и

50 т. р., 14 генераловъ получили Георгія 3 ст., а солдаты сверхъ награды по 5 р. Правдивая реляція Кутузова была напечатана съ пропускомъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ говорилось объ огромныхъ потеряхъ и разстройствѣ Русской арміи, а также о намѣреніи Кутузова отступить. Французы одержали здѣсь тактическую побѣду, но понесли стратегическое пораженіе. Наполеонъ за 800 лье (болѣе 3000 верстъ) отъ Парижа хотѣлъ не привести въ разстройство свою 20 тыс. гвардію и довершить побѣду. Впослѣдствіи императоръ Французовъ высказалъ мысль, что „изъ 50 сраженій имъ данныхъ въ битвѣ подъ Москвою высказано наиболѣе доблести и достигнутъ наименьшій успѣхъ“, а по выраженію другого участника боя, „если бы мы, воины обѣихъ сторонъ, забывъ на время вражду нашихъ повелителей, предстали на другой день предъ алтаремъ Правды, то Слава, конечно, признала бы насъ братьями“ *).

27 Августа „гробовая могила Бородина вторгается въ Москву“. 1 Сент. на военномъ совѣтѣ въ Филяхъ Кутузовъ рѣшилъ взять на себя великую историческую отвѣтственность—сдать Москву безъ боя и отступить: „Я чувствую, что мнѣ придется платить за разбитые горшки. Жертвую собой для блага Отечества. Приказываю отступить. Съ потерей Москвы еще не потеряна Россія.“ 2 Сент. Русская армія уныло проходила черезъ Москву, при чемъ гр. Милорадовичъ заключилъ перемиріе съ Мюратомъ до 7 ч. утра, а 3 Сент. по двумъ пушечнымъ сигналамъ непріятель устремился въ Москву. Наполеонъ на Поклонной горѣ, любуясь городомъ, ждалъ депутаціи Московскихъ бояръ, которыхъ онъ приказалъ привести, но вмѣсто депутаціи узналъ „небывалое, неслыханное дѣло: столица отступаетъ, Москва ушла!“ (С. М. Соловьевъ). При гробовомъ молчаніи Наполеонъ въѣзжаетъ въ опустѣвшую Москву. Около мѣсяца Французы употребили на путь отъ Смоленска до Москвы (около 300 в.), куда дошло ихъ около 100 т.

Москву стали покидать жители еще послѣ Смоленска. Графъ Раstopчинъ не могъ не предвидѣть возможности оставленія Москвы, хотя для успокоенія оставшагося населенія говорилъ иное въ своихъ знаменитыхъ „афишахъ“ (Корнюша Чихиринъ). Только въ послѣдніе дни были вывезены Московскія святыни, присутственныя мѣста и даже

*) Въ „Р. Инвалидѣ“ помѣщенъ приказъ Наполеона послѣ Бородинскаго боя; приказъ этотъ начинается такъ: „Французы! Вы разбиты! Вы позволили себя покрыть безчестіемъ и позоромъ! Только одною кровью Русскою вы можете смыть это пятно!“ Черезъ два дня общается новое сраженіе и т. д.

пожарный обозъ, хотя и тогда еще гр. Растопчинъ звалъ народъ на Три Горы и отдалъ на судъ его 20-лѣтняго парня Верещагина, который перевелъ одну изъ прокламацій Наполеона. Наконецъ, вслѣдъ за арміей, и гр. Растопчинъ покинулъ Москву, въ которой оставалось 20—30 т. простого народа.

Со вступленіемъ Наполеона въ Москву начались грабежи и пожары: горѣлъ Гостиный дворъ, горѣло Замоскворѣчье; буря въ ночь 3—4 Сент. развела цѣлое море пламени, угрожавшее и Кремлю, въ которомъ помѣстился Н. Страшная истина открылась ему тогда: „Эти они сами поджигаютъ!... Что это за люди: это Скины!“ Онь побѣжденъ. 4 Сент. „сквозь пожаръ“ Н. принужденъ былъ переѣхать на нѣсколько дней въ Петровскій дворець. Сгорѣло $\frac{3}{4}$ Москвы, до 800 церквей, изъ 30 т. домовъ осталось нѣсколько тысячъ. 8 дней затѣмъ продолжался организованный грабежъ: пострадали монастыри (Даниловъ. Законовспасскій), богатые подмосковныя села (Вороново гр. Ростопчина, Кусково гр. Шереметева), при чемъ особенно отличались тѣ „Французы“, которые понимали и говорили по-русски, т. е. Поляки. „Правда о Московскомъ пожарѣ“ графа Ростопчина до сихъ поръ не вполне выяснила происхожденіе этого пожара, и обѣ стороны, т. е. Русскіе и Французы, взаимно обвиняли одна другую въ „варварскомъ“ поступкѣ; Н. прямо приписывалъ пожаръ Москвы распоряженіямъ гр. Ростопчина, т. е. умышленнымъ поджогамъ, и учредилъ (12 Сент.) судныя комиссіи надъ „поджигателями“, къ числу которыхъ былъ отнесенъ и „какой-то“ строитель воздушнаго шара Леппихъ-Шмидтъ, хотя, конечно, пожары могли быть и слѣдствіемъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ со стороны непріятельскихъ солдатъ. Какъ бы то ни было, но послѣдствія пожаровъ и грабежей для Наполеоновской арміи были печальны: погибло множество остававшагося въ Москвѣ провіанта и всякаго рода запасовъ, что въ скоромъ времени вызвало прямой недостатокъ въ нихъ (уже въ первый день пребыванія Французовъ въ Москвѣ съ трудомъ можно было достать бѣлаго хлѣба), началось также то нравственное разложеніе великой арміи (упадокъ дисциплины, мародѣрство, общая дезорганизация), которое было одною изъ главныхъ причинъ ея гибели. Такъ „при заревѣ Московскаго пожара стало меркнуть солнце Аустерлица“.

Занятіе и пожаръ Москвы конечно произвели сильное и тяжелое впечатлѣніе на все Русское общество; но уже въ своемъ донесеніи Государю Кутузовъ говорилъ, что „занятіе Москвы не есть еще покореніе Россіи“. Подучивъ извѣстіе о гибели Москвы, Государь тогда же

высказалъ (полк. Мишѣ) свою твердую рѣшимость до конца продолжать борьбу съ Наполеономъ, этимъ „Аттилою нашего времени“: „Наполеонъ или я, я или онъ, но вмѣстѣ мы не можемъ царствовать“. Таже мысль высказана въ манифестѣ 8 Сент.: „Не въ ту сторону зашелъ Наполеонъ, гдѣ одинъ смѣлый шагъ поражаетъ всѣхъ ужасомъ... Россія не привыкла покорствоваться, не потерпитъ порабощенія“. Потеря Москвы ударъ нравственный и политическій, писалъ Александръ Бернадоту. Лично на Государя пожаръ Москвы произвелъ такое потрясающее впечатлѣніе, что онъ въ одну ночь посѣдѣлъ и изъ деиста превратился въ вѣрующаго человѣка. „Пожаръ Москвы освѣтилъ мою душу“, говорилъ онъ впоследствии. Большую нравственную поддержку въ эти дни оказала Государю его супруга, Елизавета Алексѣевна, а также его сестра-другъ в. кн. Екатерина Павловна, герц. Ольденбургская, проживавшая съ своимъ мужемъ въ Ярославлѣ. Въ Петербургѣ подняла было голову партія мира, къ которой принадлежали вел. князь Константинъ Павловичъ, гр. Румянцовъ, гр. Аракчеевъ и др. 15 Сент., въ день коронаванія, народъ (по свидѣтельству графини Эдлингъ) встрѣтилъ Государя въ Казанскомъ соборѣ мрачнымъ и страшнымъ молчаніемъ... Но скоро все измѣнилось. Русское общество охватило „святой энтузіазмъ“, разгоралась народная жажда мести, настало, по выраженію одного современника, „время жестокое и обманчивое“. Скоро всѣ поняли, что Москва лишь „западня Наполеону“, что съ занятіемъ Москвы „для Русскихъ тогда лишь начиналась война“.

До 14 Сент. Наполеонъ какъ-то упускалъ изъ вида Кутузова, который, по оставленіи Москвы, перешелъ сначала на Рязанскую дорогу, а за тѣмъ направился къ Красной Пахрѣ (притокъ р. Москвы) и къ 20 Сент. сталъ на позиціи у Тарутина на Калужской дорогѣ. т. е. прикрылъ хлѣбородныя губерніи Россіи, Тулу и Брянскъ съ ихъ заводами и занялъ положеніе на флангѣ непріятеля. На двѣ недѣли война какъ бы замираетъ. Въ этихъ, какъ и послѣдующихъ дѣйствіяхъ, во всей своей силѣ сказались военный талантъ Кутузова, его прозорливость и огромный боевой опытъ. Поставивъ себѣ цѣлью подольше задержать непріятеля въ Москвѣ, Кутузовъ въ это время разставляетъ ему сѣти: пополняетъ и приводитъ въ порядокъ свою армію, организуетъ партизанскую войну (так. наз. „малая война“), какъ бы въ помощь которой разгорается настоящая народная война. Тогда же произошли нѣкоторыя перемѣны и въ высшемъ командномъ составѣ нашей арміи: мѣсто вышедшаго въ отпускъ Барклая занялъ Тормасовъ (армія его перешла подъ начальство Чичагова, къ 9 Сент. соединив-

шагося съ 3-й арміей на р. Стыри), а графъ Коновницынъ назначенъ дежурнымъ генераломъ.

Къ Тарутино подходятъ ополченія: Тверское, Ярославское, Владимірское, Тульское, Калужская „милиція“, ополченія южныхъ городовъ, 20 т. Донскихъ казаковъ. Къ концу Сентября въ Тарутинскомъ лагерѣ было до 120 т. человекъ (118.500 ч., въ томъ числѣ 10 т. ополченцевъ и 20 т. казаковъ) и около 700 орудій. Москва охватывается кольцомъ партизанскихъ отрядовъ: въ окрестностяхъ Москвы А. С. Фигнеръ, на Рязанской дорогѣ полк. Ефремовъ, на Серпуховской кн. Кудашевъ, на Боровской поруч. Фонвизинъ, между Боровскомъ и Москвою А. Н. Сеславинъ, на Можайской дорогѣ кн. Вадбольскій и отрядъ Д. В. Давыдова (организаторъ перваго партизанскаго отряда еще съ 24 Авг.) разъѣзжали отъ Можайска до Вязьмы; кромѣ того, извѣстны еще партизаны: И. С. Дороховъ, Бенкендорфъ, Прендель, Чернозубовъ, Фиглевъ, Иловайскій 2-й и другіе „богатыри эпохи сильной, эпохи славы“ (кн. Вяземскій). Развѣдочная служба, тысячи убитыхъ и плѣнныхъ непріятелей, захватъ обозовъ и провіанта, стѣсненіе фуражировки (о чемъ, между прочимъ, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ переговоры Мюрата съ Милорадовичемъ).

Партизанамъ и войскамъ оказываетъ содѣйствіе весь Русскій народъ, который организуетъ свою народную войну (подобно Испанской гверильѣ: „Россія—новая Испанія безъ границъ“). Начавшись съ занятіемъ Смоленска, народная война разгарается съ занятіемъ Москвы, какъ жажда народной мести за поруганіе святынь, за пожары, грабежи и насилія. Главную народную военную силу составляли дворянскія ополченія въ губерніяхъ, занятыхъ непріателемъ. Тутъ участвуютъ люди разныхъ званій, состояній, возрастовъ и даже половъ. Такъ, въ Смоленской губ. извѣстны: мѣщанинъ Манчинковъ Порѣчскаго у., гдѣ раньше всего началась народная война, предводители дворянства Колековъ, Нахимовъ, Храповицкій, помѣщики Энгельгардъ († 15 Окт.) и Шубинъ († 24 Окт.), кн. Тенишевъ, исправники Богуславскій, Семичевъ, городничій Адамовичъ, п.-полк. Дибичъ, майоръ Емельяновъ, городской голова Полозовъ (Рославльскій у.), бурмистръ с. Левшина, старостиха Василиса (Сычевскій у.), гусарскій солдатъ Самусь (Гжатскій у.), Тверской помѣщикъ Цызыревъ, Волынской г. помѣщикъ Самуровъ („Самуровцы“); въ Московской г. извѣстны: голова Вельяминовской волости Ив. Андреевъ, сотскій с. Лучинскаго Пав. Ивановъ, священникъ Іоаннъ Скабеевъ (с. Дубровна Верейскаго у.); крестьянинъ Герас. Куринъ и староста Стуловъ (с. Павлово Богород-

скаго у.), между прочимъ, истребили два непріятельскихъ эскадрона. Крестьяне держали пѣсты, выслѣживали и истребляли или забирали въ плѣнъ шайки „міродѣровъ“ (мародеровъ) и т. п.

Между тѣмъ Наполеонъ въ Москвѣ очутился „въ положеніи мореплавателя на необитаемомъ островѣ“ (С. М. Соловьевъ). Среди несбыточныхъ плановъ о походѣ на Петербургъ, не дождавшись мирныхъ предложеній со стороны Александра, Н. при случаѣ самъ заговариваетъ о мирѣ то черезъ плѣннаго Тучкова (еще въ Смоленскѣ), то черезъ Тутолмина, начальника Воспитательнаго дома въ Москвѣ, наконецъ черезъ отставнаго гвардейскаго капитана Яковлева, бывшаго въ Москвѣ. Наполеону удается (9 Сент.) доставить письмо Александру („простая записочка отъ васъ, прежде или послѣ послѣдняго сраженія, остановила бы мое движеніе“), но отвѣта нѣтъ, гробовое молчаніе. 22 Сент. Н. съ тою же цѣлью посылаетъ гр. Лористона къ Кутузову, отъ котораго получаетъ отвѣтъ, что при его назначеніи слово „миръ“ даже не было произнесено. На воззваніе интендента Лессепса (21 Сент.), приглашавшее населеніе къ открытію правильнаго торговаго въ Москвѣ, отклика тоже не послѣдовало. Между тѣмъ положеніе непріятельской арміи въ Москвѣ съ каждымъ днемъ становилось затруднительнѣе: съ развитіемъ партизанскихъ отрядовъ и народныхъ ополченій сталъ ощущаться недостатокъ въ провіантѣ, лошади грызли кору, начинался голодъ и его спутники—болѣзни, въ арміи усиливался упадокъ дисциплины и даже приказы Наполеона (отъ 27 Сент.) оказывались безсильными. Сбывались слова Кутузова, сказанныя имъ еще въ Филяхъ: „Доведу я Французовъ, какъ въ прошломъ году Турокъ, что они будутъ ѣсть лошадиное мясо“ („Ворона и Курица“). Пора было подумать о выходѣ изъ такого положенія.

Наконецъ, и Кутузовъ выходитъ изъ своего кажущагося бездѣйствія („Вспомните, что вы еще обязаны отвѣтомъ оскорбленному отечеству въ потерѣ Москвѣ“, писалъ ему, между прочимъ, Государь). 6 Октября произошелъ авангардный Тарутинскій бой, на р. Чернишнѣ, имѣвшій большое нравственное значеніе: непріятель, оставивъ трофеи (1 штандартъ, 38 оружій, 40 зарядныхъ ящичковъ, 1500 плѣнныхъ), впервые отступилъ. Къ сожалѣнію, здѣсь палъ доблестный ген. Багговутъ. Кутузовъ получилъ золотую шпагу, Л. Л. Беннигсенъ Андрея Первозван. и 100 т. р. (вскорѣ оставилъ армію). Въ эти же дни (5—8 Окт.) марш. Сень-Сиръ, замѣнившій раненаго Удинѣ, очистилъ Полоцкъ, при чемъ Теплярскій казачій полкъ захватилъ обозъ и казну ген. Вреде, а Чаплицъ (изъ арміи Чичагова) взялъ въ плѣнъ генер. Конопку.

Гуль Тарутинскаго боя, о которомъ было доложено Наполеону во время смотра арміи, заставилъ его ускорить свое рѣшеніе. Въ ту же ночь 6—7 Окт. Наполеонъ началъ выступленіе изъ Москвы, отдавъ приказъ марш. Мортье взорвать Кремль. Черезъ два дня, въ ночь 8—9 Окт. покинулъ Москву и Мортье, захвативъ въ плѣнъ ген. Винцингероде и Нарышкина (отбиты 28 Окт.). 11 Окт. въ очищенную непріателемъ Москву вступилъ ген. Иловайскій 4-й. Взрывъ Кремля, котораго Москвичи ждали какъ „послѣдняго дня міра“, не вполне удался, и куполь Ивана Великаго, хотя и безъ креста, попрежнему заблестѣлъ на радость жителей. Картина выступленія 107 тыс. непріятельской арміи, затрудняемой огромными обозами съ награбленнымъ добромъ, наглядно свидѣтельствовала объ упадкѣ арміи, возстановить которую уже не въ силахъ былъ императоръ Французовъ. Н. направился къ Оминскому и былъ выслѣженъ Дороховымъ и Сеславинымъ. 11 Окт. маіоръ Болховитиновъ привезъ извѣстіе объ очищеніи Москвы фельдмаршалу (въ Леташевку). „Боже, Создатель мой, наконецъ Ты внялъ молитвъ нашей, и съ сей минуты Россія спасена!“ Послѣ почти пятинедѣльнаго пребыванія въ Москвѣ (3 Сент.—8 Окт.) началось отступление великой арміи.

II.

1. Изъ Москвы армія Наполеона направилась на Калужскую дорогу. Но „этотъ Скиѳъ“ уже предупредилъ? 12 Окт. раздался гуль битвы при Малоярославцѣ, продолжавшейся 18 часовъ: 5—8 разъ городъ переходилъ изъ рукъ въ руки, изъ 200 домовъ едва уцѣлѣло 20, съ той и другой стороны было по 5—6 т. убитыхъ, и хотя за наступившей темнотою поле битвы осталось за Французами, но Милорадовичъ, сдѣлавшій въ этотъ день переходъ въ 50 верстъ („ты ходишь скорѣе, чѣмъ летаютъ ангелы“, сказалъ Кутузовъ), ночевалъ на позиціи, а Кутузовъ въ 2½ вер.: дорога на Калугу была загорожена (Дохтуровъ получилъ Георгія 2 ст.). На слѣдующій день казаки Платова взяли 11 орудій и едва не захватили самого Наполеона (онъ ночевалъ въ Городнѣ, въ лачугѣ тгача и съ Малоярославца носилъ при себѣ опиумъ). Наши развѣзды направилась на Медынь—Юхновъ—Ельню—Смоленскъ.

Послѣ Малоярославца. на военномъ совѣтѣ Наполеонъ (между прочимъ съ нимъ произошелъ глубокой обморокъ) прямо заявилъ, что предстоитъ 250 лье (болѣе 1000 верстъ) отступленія, что уже достаточно сдѣлано для славы и надо думать о спасеніи арміи. Принято

рѣшеніе отступать по кратчайшей дорогѣ на Верею—Можайскъ—Смоленскъ. Съ этого времени „звѣзда Наполеона начинаетъ меркнуть“. Съ этого же времени начинается знаменитое фланговое движеніе Кутузова и преслѣдованіе отступающей великой арміи. Кутузовъ, предвидя неизбѣжную гибель непріятельской арміи („все это рушится безъ меня“, говорилъ онъ), думалъ только о томъ, „чтобы было дешевле“, „чтобы было съ чѣмъ прійти къ границѣ“; вопреки пылкой военной „молодежи“ онъ полагалъ, что не слѣдуетъ доводить непріятеля до отчаянія, „лучше построить золотой мостъ непріятелю, чѣмъ получить отъ него *coup de collier*“ (непоправимый ударъ); да и по соображеніямъ политическимъ Кутузовъ былъ противъ полнаго разгрома Наполеона, полагая, что наслѣдство его все равно достанется не намъ.

14 Окт. Н. отступаетъ къ Боровску, а Кутузовъ къ Детчину, т. е. обѣ арміи расходятся въ противоположныя стороны. Н. теперь думалъ о Парижѣ, какъ прежде о Москвѣ. При непривычныхъ утреникахъ до 4° Н. черезъ Бородино (16 Окт.) спѣшить къ Смоленску. Кутузовъ преслѣдуетъ его только своими передовыми отрядами. У Колоцкого монастыря (19 Окт.) Даву бросилъ 23 знамени, 27 орудій, взорвалъ зарядные ящики. 22 Окт. у Вязмы произошелъ аріергардный бой: гр. Милорадовичъ и Платовъ, потерявъ 700 чел., захватили 3 т. плѣнныхъ, 13 знаменъ, 3 орудія, непріятель оставилъ 4 т. убитыхъ; наступила полная деморализація корпуса Даву. У Дорогобужа, въ Землинѣ (24 Окт.), между прочимъ, брошенъ въ озеро крестъ Ивана Великаго (по другимъ, крестъ брошенъ въ Вильнѣ, есть также извѣстіе, что онъ вовсе не былъ увезенъ изъ Москвы); здѣсь же 25 Окт. начинаются снѣгъ, метель и первые морозы, доходившіе до 8°, и вокругъ ночныхъ костровъ начинаютъ попадаться трупы замерзшихъ враговъ. 27 Окт. Кутузовъ былъ въ Ельнѣ; партизаны Давидовъ, Сеславинъ, Фигнеръ и гр. Орловъ-Денисовъ взяли въ плѣнъ бригаду Ожерд (19 офицеровъ, 1650 солдатъ). До Смоленска Французы потеряли всего 240 орудій. 28-го же, черезъ 15 дней послѣ Малоярославца, Н. прибылъ въ Смоленскъ, гдѣ морозъ дошелъ уже до 12°, и назначилъ 4 дня отдыха. Въ арміи Н. усиливается мародерство, противъ котораго оказывался бессильнымъ его геній. 26 Окт. взять Витебскъ (ген. Гарпé). Въ этотъ день Витгенштейнъ и Чичаговъ (въ Слонимѣ) получаютъ извѣстіе объ очищеніи Москвы (т. е. спустя двѣ недѣли), при чемъ Витгенштейнъ организуетъ такъ наз. „подвижные магазины“. 28 Окт. Чернышевъ, идя на связь съ Витгенштейномъ, между прочимъ освободилъ Винценгероде и Нарышкина, захваченныхъ въ Москвѣ.

2. Отъ Смоленска до Березины начинается новая фаза (вторая) небывалаго, страшнаго отступленія, продолжавшагося тоже 15 дней (2—16 Ноября). Въ Смоленскѣ была произведена нѣкоторая реорганизація арміи Наполеона: 4 кавалерійскихъ корпуса сведены въ одинъ, у ген. Заіончека (корпусъ Понятовскаго) было 800 чел., Вестфальцы Жюно составляли 700 чел. пѣхоты и 500 безлошадныхъ кавалеристовъ, всего оставалось 42—50 т. вооруженныхъ, въ томъ числѣ 5 т. конныхъ. 2-го Ноября Н. выступилъ изъ Смоленска. Шедшая впереди дивизія Клапареда (главная квартира) вытѣснила изъ Краснаго Ожаровскаго. 3 Ноября Н. съ 16 т. проходилъ въ виду 12 т. гр. Милорадовича, причемъ одна изъ колоннъ Наполеоновской гвардіи сдалась въ плѣнъ; затѣмъ Н. напалъ на Ожаровскаго (у Путкова) и вступилъ въ Красное. 4 Ноября (у Мерлина) гр. Евгений Виртембергск. и Паскевичъ стали поперекъ дороги корпуса вице-короля, который потерялъ 2 т. убитыхъ, 2220 плѣнныхъ и 17 орудій (карре ген. Гюльминд). Въ это время Кутузовъ стоялъ въ 5 верст. отъ Краснаго и попережнему заботился только о томъ, чтобы непріятель не свернулъ съ опустошенной дороги: голодъ, зима и преслѣдованіе должны довершить остальное; „за десятихъ Французовъ не дамъ я одного Русскаго“, говорилъ онъ.

5 Ноября Н. со своими маршалами (въ Польскихъ костюмахъ, съ березовыми палками въ рукахъ, какъ любятъ описывать Польскіе историки) атакуетъ Русскихъ подъ Краснымъ. Торماسову приказано отступить, и Н. (черезъ Доброе) направляется къ Оршѣ, и только Ней, „храбрѣйшій изъ храбрыхъ“, остался въ Смоленскѣ отрѣзаннымъ. Доволенъ былъ и Кутузовъ: ему досталось „не вставая съ постели“ (какъ онъ говорилъ) 5—7 т. вооруженныхъ плѣнныхъ (всего же около 30 т.), до 70 орудій, маршальскій жезлъ Даву; множество монеты также было оставлено въ лагерѣ. За Красное Кутузовъ—„Смоленскій“, Платовъ—графъ. (Тогда же Кутузовъ издалъ челоуѣколюбивый приказъ о немщеніи Бѣлоруссамъ). Въ тоже время Ней, взорвавъ 8 Годуновскихъ башенъ и королевскую крѣпость, бросивъ 140 орудій, 600 фуръ, всѣхъ больныхъ и раненыхъ, выступилъ изъ Смоленска съ 16 т., изъ которыхъ только 8 т. вооруженныхъ, 300 лошадей и 12 орудій. 6 Ноября въ Смоленскѣ вступили Русскіе и возвратили икону Божіей Матери („Пребыть же Маріамъ съ нею яко три мѣсяцы, и возвратися въ домъ свой“. Лук. I, 56). Красное открыло Наполеону путь къ Оршѣ (путь этотъ онъ совершилъ на конѣ) и далѣе къ Борисову. 9 Ноября въ Оршу прибылъ и Ней, но только съ 800 чел.: онъ потерялъ почти весь свой отрядъ въ Лосминскомъ оврагѣ (дивизія Рикара и Милорадовичъ) и перешелъ Днѣпръ съ 3 т. (у Сырокореня). Красное довер-

шило разстройство непріятеля („Волкъ на псарнѣ“). Страшная трагедія близилась къ развязкѣ.

Въ то время какъ остатки арміи Наполеона подвигались къ Днѣпру и Березинѣ, туда же направлялись, сближаясь между собою, три Русскихъ арміи (считая и армію Кутузова), чтобы желѣзнымъ кольцомъ охватить непріятеля (такой планъ былъ выработанъ въ Петербургѣ еще 30 Авг.). Передовой отрядъ арміи Чичагова, подъ начальствомъ гр. Ламберга, пройдя Несвижъ (1—3 Ноября, здѣсь было отбито на 1 мил. р. награбленнаго въ Москвѣ жемчуга и брилліантовъ), Минскъ (4 Ноября), 9 Ноября, т. е. опередивъ Французовъ, былъ уже въ Борисовѣ, куда стянулась и остальная армія Чичагова (30 т. и 180 орудій), къ которой присоединилось еще 3500 ч. Лидерса (15 т. Эртеля остались въ Мозырѣ, а 30 т. Сакена сторожили Шварценберга и Ренье). Разославъ по арміи „примѣты сего челоуѣка“ (т. е. Наполеона) и оставивъ по сю сторону (Брили, противъ Студянки) Чаплица, Чичаговъ переправился на лѣвую сторону Березины, чтобы идти къ Оршѣ противъ Наполеона. Въ это же время „спаситель Петрополя“ Витгенштейнъ (при Смоленцахъ 2 Ноября) не успѣлъ войти въ связь съ Чичаговымъ и отбросить Виктора и Удинѣ отъ главныхъ силъ, съ которыми они и соединились 11 Ноября у Бобра (между Борисовымъ и Оршей). 12 Ноября Чичаговъ неожиданно былъ оттѣсненъ на правый берегъ Березины, причѣмъ потерялъ ок. 1000 чел. и фургоны съ столовымъ серебромъ, и Удинѣ овладѣлъ Борисовымъ. Главная армія Наполеона, съ которою теперь соединились войска Виктора и Удинѣ, представлялась послѣднимъ какъ „толпа привидѣній“ и требовала реорганизаціи. Соединенная армія, въ которой насчитывалось 80—100 т. чел., имѣла вооруженныхъ только до 40 т.; 1800 чел. спѣшенной гвардейской кавалеріи были соединены въ два батальона, резервной конницы было 150 чел., изъ 500 офицеровъ образованъ „священный эскадронъ“ подъ командою Груші и Себастіани, сожжены императорскіе „орлы“ всѣхъ полковъ.

Въ то время какъ Чичаговъ, введенный въ заблужденіе противорѣчивыми и ложными извѣстіями, направился съ своею арміей верстъ на 30 къ Югу отъ Борисова (Шабашевичи), Наполеонъ приказываетъ наводить мосты черезъ Березину (инженеры Эблѣ и Шассу) въ 16 вер. къ Сѣверу отъ Борисова у дер. Студянки, и 14 Ноября начинается переправа, которой не могъ помѣшать находившійся на противоположномъ берегу небольшой отрядъ Чаплица и Корнилова. 15 Ноября (въ этотъ день морозъ съ 10° дошелъ до 27—30°) перешла Березину

старая гвардія съ Наполеономъ, и въ Студянкѣ оставался еще только корпусъ Виктора да толпы безоружныхъ. Теперь только стала возвращаться армія Чичагова, приближался Кутузовъ и прибылъ въ Борисовъ Витгенштейнъ, которому сдалась находившаяся тамъ дивизія Партунѳ. 16 Ноября самые ужасные часы переправы: Витгенштейнъ атаковалъ корпусъ Виктора, бой продолжался весь день, на протяженіи квадратной версты были вырыты траншеи среди труповъ („траншеи Эблѣ“), на Березинѣ образовался цѣлый островъ изъ труповъ людей и лошадей. трупы оказывались даже въ полозьяхъ саней... Всего подъ Березиной погибло до 50 т. чел. Изъ 40 т. вооруженныхъ непріятелей послѣ Березины оставалось тыс. 15, а черезъ три дня ихъ было только 9 т. Того же 16 числа произошли неудачныя дѣйствія отрядовъ Чичагова противъ Удинѳ у Зембина, гдѣ были ранены Чаплицъ, Войновъ, кн. Щербатовъ, но выручены Павлоградскими гусарами.

„Березинская переправа (14, 15 и 16 Ноября) дѣлаетъ болѣе чести побѣжденнымъ“ (Богдановичъ). Современники обвиняли въ неудачахъ исключительно Чичагова („Щука и Коть“), но если тутъ были виноватые, то къ числу ихъ слѣдовало бы отнести и Витгенштейна. и Чаплица, дѣйствіями котораго особенно былъ недоволенъ Кутузовъ.

3. Оставался еще путь отъ Березины до Нѣмана, на который потребовалось тоже 15 дней. Зембінская плотина на Виленской дорогѣ, по которой направились Н. и остатки его арміи, представляла собою „похоронную процессію среди еловыхъ лѣсовъ“ (В. К. Надлеръ), причемъ натискъ Русскихъ все усиливался. Въ Молодечнѣ Н. рѣшилъ покинуть свою армію (заговоръ Малѣ въ Парижѣ). Опубликованный тогда „29-й бюллетень“ (22 Ноября), правдоподобно объясняя причины неудачи кампаніи, между прочимъ, изливаетъ злобу на казаковъ—эту „негодную конницу“, которая „подобно Аравитянамъ въ пустынѣ“ отхватывала обозы. Тоже повторилъ Н. въ своей прощальной рѣчи въ Сморгони (23 Ноября): единственный побѣдитель нашъ чрезвычайная стужа (по зима въ 1812 г. даже запоздала), также пожаръ Москвы, низкіе происки и нѣкоторыя ошибки. Оставивъ своимъ „намѣстникомъ“ Мюрата и приказавъ ему держаться въ Вильнѣ, Н. incognito (заговоръ Лапи) покинулъ армію. 24-го онъ былъ въ Вильнѣ („что касается арміи, то ея нѣтъ“, сказалъ онъ Маре, герцогу Бассано), оттуда на саняхъ пана Вибскаго направился въ Волковискъ, 28-го былъ уже въ Варшавѣ въ гостинницѣ „Англія“, гдѣ представителямъ Варшавскаго герцогства, между прочимъ, сказалъ, что „не въ силахъ воевать съ стихіями“. „дикимъ суевѣрнымъ народомъ-рабами“ и „дьяволами-каза-

ками“, у которыхъ „чортъ сидитъ въ тѣлѣ“; „отъ великаго до смѣшного только шагъ“), за тѣмъ черезъ Дрезденъ онъ поспѣшилъ въ Парижъ, куда прибылъ 7 Декабря.

Наступила агонія остатковъ великой арміи. Въ день отъѣзда Наполеона (въ арміи говорили: онъ бѣжитъ, какъ бѣжалъ въ Египтѣ) произошло полное пораженіе корпуса Виктора Дунайскою арміею, и арьергардъ великой арміи былъ уничтоженъ. 25 Ноября Мюратъ прибылъ въ Вильну; отъ всѣхъ дивизій осталось 4.300 чел., въ городѣ начался дикій грабежъ, а 26 Ноября (въ день великомуч. Георгія Побѣдоносца) въ окрестностяхъ Вильны былъ уже Сеславинъ. 27-го Мюратъ выѣхалъ изъ Вильны въ каретѣ, за нимъ верхами маршалы Даву, Лефевръ, Мортъе, Бессьеръ; остатокъ арьергарда порученъ Нею. Въ арміи былъ полный хаосъ, такъ что даже Виленскіе Евреи проявили мужество и отрѣзали батальонъ гвардіи. На Поварской горѣ, въ 6 верстахъ отъ Вильны, потеряна послѣдняя артиллерія, добыча, трофеи, казна, даже карета Наполеона, все это было захвачено Донцами. 28 Ноября Вильну заняли Русскіе, и нашли тамъ 140 орудій, 14 т. четв. ржи, 5 т. ч. муки. 30 Ноября въ Вильнѣ Кутузовъ былъ встрѣченъ Чичаговымъ, который поднесъ фельдмаршалу ключи города („взятые у васъ въ Борисовѣ экипажи съ посудою и пр. отобраны и велѣно вамъ доставить“, будто сказалъ при этомъ фельдмаршалъ). Въ честь Кутузова, „Спасителя Отечества“, была устроена арка. Довольный фельдмаршалъ выразилъ опасеніе найти въ Вильнѣ вторую „Капую“. Между тѣмъ Мюратъ 29 Ноября былъ уже въ Ковнѣ. сдѣлавъ въ три дня около ста верстъ. 1 Дек. Мюратъ, порицая Н. за бѣдствія арміи, выступилъ изъ Ковны съ 1000—1500 чел., 2—4 орудіями и 20 т. безоружныхъ. 2 Дек. Ней занялъ Алексатинскія высоты Ковны; въ 10 ч. утра Оруркъ и Платовъ показались на Гюмбиненскихъ высотахъ, и Ней, зажегши Ковну, направился по Тильзитской дорогѣ, гдѣ Пруссаки пугали бѣглецовъ „казаками“ и сторонились ихъ зловонныхъ отрядовъ. Поздно ночью въ Волковицкѣ раздался стукъ въ квартирѣ ген. Дюмà, и на вопросъ хозяина послѣдовалъ отвѣтъ: „это я, арьергардъ великой арміи, маршалъ Ней“. Мюратъ прискакалъ въ Кенигсбергъ, за нимъ прибыло 450 гвардейцевъ, 600 конныхъ и 9 орудій, изъ корпусовъ осталось по нѣскольку солдатъ и офицеровъ. Въ Кенигсберскихъ госпиталяхъ находилось до 10 т. больныхъ, среди которыхъ; не смотря на самоотверженные труды врачей (человѣколюбивый докторъ Ларрей) развился тифъ, уносившій множество жертвъ (Ларибусьеръ, инжен. Эблѣ). Попытка реорганизаціи арміи собрала всего до 10 т. чел.

Исторія не помнитъ такой страшной катастрофы: изъ 620 т. (640 т.) великой арміи обратно за Вислу перешло только 80 т. (большею частью войска обоихъ фланговъ), а 540 т. стали жертвами похода. изъ нихъ 190 т. (ок. 200 т.) плѣнныхъ, а изъ остальныхъ 350 т. половина погибла отъ меча, а другая половина отъ усталости, голода, холода и болѣзней.

Велики были потери и у Русскихъ: за 45 дней (отъ Малоярославца) Русскіе потеряли 60-70 т., 48 т. больныхъ и 12 т. убитыхъ. Въ Вильнѣ у Кутузова было около 86 т., да въ походѣ 15—16 т., а всего ок. 100 т. и 557 орудій.

11 Дек. въ Вильну прибылъ Государь. Кутузову былъ поднесенъ на серебряномъ блюдѣ Георгій 1 ст. 12 Дек., ровно черезъ 6 мѣс. послѣ начала войны, Государь на балу, въ день своего рожденія, сказалъ Кутузову: „Вы спасли не одну Россію, вы спасли Европу“. Манифестъ 25 Дек., между прочимъ, свидѣтельствовалъ, что „уже нѣтъ ни одного врага на лицѣ земли нашей“. Тогда же въ особомъ „Воззваніи“ было возвѣщено народу о намѣреніи Государя „въ первопрестольномъ градѣ нашемъ Москвѣ создать церковъ во имя Спасителя Христа“.

Одинъ подвигъ Александра не мирится съ Наполеономъ закончился. Начинался другой его подвигъ докончить борьбу съ Наполеономъ.

4. Наполеонъ, хотя и одинъ, но ушелъ. Еще въ Сморгони и Варшавѣ онъ говорилъ, что оставляетъ за тѣмъ, „чтобы привести триста тысячъ солдатъ“ и „вести вторую кампанію, потому что впервые война не кончилась одною кампаніей“, и обѣщалъ Полякамъ „возвратиться весною съ новой арміей“. Наполеонъ не могъ примириться съ положеніемъ, въ какое его поставилъ исходъ кампаніи 1812 г. Это понимали многіе, и яснѣе другихъ понималъ это Александръ, который еще послѣ Московскаго пожара сказалъ: „Наполеонъ или я, я или онъ, но вмѣстѣ мы не можемъ царствовать“. Кампанія 1813—1814 гг. была рѣшена, какъ необходимое продолженіе войны 1812 г.

Важнымъ толчкомъ къ началу войны 1813 г. было заключеніе Прусскимъ ген. Юркомъ Таурогенской конвенціи, 18 Дек. подписанной Дибичемъ. 24 Дек. Витгенштейнъ направляется въ Кенигсбергъ, а 28-го и вся Русская армія выступаетъ изъ Вильны за границу, подъ предводительствомъ Кутузова, котораго Пруссаки встрѣчали привѣт-

ствіями: „Vivat der Grosse Alte!“ Благодаря стараніямъ Прусскихъ патріотовъ, особенно „желѣзнаго барона“ Штейна, въ Февралѣ заключенъ Калишскій договоръ съ Пруссіей (3 Марта произошло свиданіе Александра и Фридриха-Вильгельма въ Бреславль); къ союзу присоединились Англія и Швеція, затѣмъ и Австрія, началась война 1813—1814 гг. „за освобожденіе Европы“ и Германіи въ частности. Александръ является „вождемъ безсмертной коалиціи, къ которому обращены всѣ надежды“, „Агамемнономъ среди царей“, „Пастыремъ народовъ“. Начинается какъ бы обратное движеніе волны Европейскихъ народовъ: какъ прежде Наполеонъ во главѣ почти всей Европы прошелъ отъ береговъ Сены до береговъ Оки, такъ теперь Александръ во главѣ Европейской коалиціи проходитъ отъ береговъ Оки до береговъ Сены.

Война 1812 г. называется также „нашествіемъ Наполеона“ и „Отечественною войною“. Точнѣе въ 1812-мъ году было „нашествіе Европы“ подъ предводительствомъ Наполеона. По своей разорительности и по пространству, на 12 губерній нашествіе это далеко оставляетъ за собою сто лѣтъ предъ тѣмъ бывшее нашествіе Карла XII, и въ народной памяти какъ бы воскресаютъ времена великой „Разрухи“ и даже времена Батыя („безсчастнѣйшій сонъ и плачь красной дѣвицы“ въ народныхъ пѣсняхъ). По своей цѣли—защита, оборона отечества, по тому единодушію какое проявилъ тогда весь Русскій народъ, наконецъ, по тѣмъ неисчислимымъ жертвамъ, какія онъ принесъ (насчитываютъ, что въ 1812-мъ году было выставлено 320 т. ополченцевъ, въ томъ числѣ 50 т. конныхъ, не считая чисто народныхъ ополченій, и пожертвовано болѣе ста мил. рублей) война эта имѣетъ преимущественное право на названіе „отечественной“ войны. Она потребовала крайняго напряженія всѣхъ силъ народныхъ, не только матеріальныхъ, но и духовныхъ. Поднялось до высшей степени присущее Русскому народу благочестивое и патріотическое чувство, т. е. чувство любви къ отечеству и народной гордости. Истиннымъ выразителемъ такого настроенія народнаго былъ А. С. Шишковъ, составитель „воззваній“ къ народу и манифестовъ, „Русскій Фихте“, какъ его называли. Тогда начался походъ противъ „французоманіи“ (выраженіе Шишкова), т. е. Французскаго языка, модъ, театровъ. Такой подъемъ народнаго чувства нашелъ себѣ отраженіе и въ литературѣ: появляется Пушкинъ „нашъ поэтъ, наша отрада, святая искра, выбитая изъ груди Россіи нашествіемъ Европы“ (П. И. Бартеневъ), происходитъ расцвѣтъ Русской литературы въ ближайшія десятилѣтія. Сама война 1812-го года долго служила источникомъ вдохновенія лучшихъ нашихъ поэтовъ и писа-

телей, не только современниковъ и даже участниковъ событія (какъ Жуковскій, князь Вяземскій, Батюшковъ, Глинка, Загоскинъ, Лажечниковъ), но и послѣдующихъ (отъ Пушкина, Лермонтова и Тютчева до Майкова и графа Л. Толстого). Эта же эпоха нашла себѣ отраженіе и въ архитектурѣ (А. Л. Витбергъ, К. А. Тоннъ), и въ живописи (полотна В. В. Верещагина) и въ музыкѣ Глинки. Война 1812-го г. и необходимое продолженіе ея, заграничный походъ 1813—14 г.г., пробуждаетъ общественную мысль, которая направляется главнымъ образомъ на критику крѣпостного права: въ концѣ царствованія Александра I-го происходятъ „общественныя движенія“, завершившіяся 14 Декабря 1825 г.

Въ 1812-мъ году рѣшалась судьба не одной только Россіи, но и Европы и Германіи въ частности, что открыто и признавалось современниками. (4 Іюня 1818 г. Прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ III съ своимъ наслѣдникомъ и свитою, обозрѣвая въ Москвѣ ряды обгорѣлыхъ улицъ и домовъ, „сталъ на колѣни, приказавъ и сыну своему сдѣлать тоже: отдавъ Москвѣ три земныхъ поклона, онъ со слезами на глазахъ нѣсколько разъ повторилъ: „вотъ наша спасительница!“). Съ этого времени Россія пріобрѣтаетъ первенствующее значеніе въ международныхъ отношеніяхъ, получаетъ преобладающее вліяніе на дѣла Европы.

„Подвигомъ“ Русскаго народа была война 1812-го года, и въ этомъ отношеніи Александръ былъ истиннымъ представителемъ своего народа. Занимая центральное мѣсто въ великой борьбѣ 1812—1814 гг., исходъ которой, можно сказать, главнымъ образомъ зависѣлъ отъ его проницательности, настойчивости, твердости, неусыпныхъ трудовъ, выдающагося дипломатическаго таланта, Александръ въ тоже время проявляетъ необыкновенную скромность и сильно развитое благочестивое чувство. По окончаніи тяжелой борьбы, воздавъ должное всѣмъ сословіямъ, всему Русскому народу, который по всесвѣтному признанію его (въ манифестахъ) является какъ бы „главнымъ героемъ“ этой борьбы, Александръ отказывается отъ присвоеннаго ему современниками, но оставшагося за нимъ въ исторіи имени „Благословеннаго“ и смиренно относить все содѣянное Промыслу Божию: „Не намъ, не намъ, а имени Твоему даждь славу“, гласитъ надпись на медали 1812 года.

Таково вкратцѣ значеніе „вѣчной памяти двѣнадцатаго года“.

А. П. Н.

12 Іюня 1912 г. Е—градъ.

